

ISSN 0453 8048

ISSN 0453 7998

Міністерство освіти і науки України
Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна

ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ім. В.Н. КАРАЗІНА
№487'2000

Світ-системна теорія і
сучасні глобальні трансформації
(філософія, політологія, соціологія)

Заснований у 1965 р.

Харків
2000

ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПАРАМЕТРОВ И ЭВОЛЮЦИИ СЛОЖНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМ

М. Шильман

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Введение

Исторические системы, попадающие в фокус нашего рассмотрения - системы сложные и иерархические. Их поведение обуславливается взаимодействием составляющих их подсистем, одновременным и взаимосвязанным действием множества различных внешних и внутренних факторов, отношениями с другими подобными системами и предысторией. Создание цельных функциональных моделей подобных систем, позволяющих делать заключения об общих принципах их развития, возможно лишь путем расчленения многомерной задачи на ряд одномерных задач с тем, чтобы потом предпринять попытки суперпозиционного синтеза.

- Основными теоретически обоснованными критериями, по которым социальная система может быть проанализирована, могут считаться экономический, политический, социальный и культурный. Несмотря на условное разделение сфер жизнедеятельности общества, ни один из основных критериев не определяет уникальным образом другой и не является однозначно зависимым от другого. Сложная система определяется как многоуровневое и многогранное взаимодействие, взаимозависимость и взаимная скоординированность процессов, событий, изменений и тенденций.

В этой работе мы намереваемся рассмотреть исторический процесс фрагментарно, на основе нескольких критериев и моделей, чтобы сделать выводы о возможных процессах синхронизации развития систем, регулярности и периодичности протекания процессов большой длительности. Одной из задач является также оценка возможности периодизации всемирной истории не с точки зрения оценочных суждений, традиционной хронологии или содержательного определения эпох. В основу рассмотрения положены:

- обзор модели единой Евразийской системы, последовательно проходящей в своем развитии чередующиеся фазы подъема и спада (концепция А. Г. Франка и Б. Гиллса);
- обзор моделей формирования Центральной цивилизации, последовательно включающей в себя остальные цивилизации мира (концепция Д. Уилкинсона, а также модифицированная концепция К. Чейз-Данна и Т. Холла);
- анализ демографических процессов в исторических системах;
- анализ политических процессов в исторических системах (на основе данных Р. Таагепера о территориальных параметрах мировых империй);
- анализ процессов урбанизации в исторических системах (на основе данных Т. Чандлера, К. Чейз-Данна и А. Босуорта о численности населения, цензе и иерархии городов).

Модели и схемы

1. Схема, предлагаемая Д. Уилкинсоном, лаконична в смысле основополагающего тезиса о поступательном и непрерывном развитии исторической макроструктуры, именуемой "Центральной Цивилизацией". Полагая рождение новой системы как момент слияния Египетской и Месопотамской цивилизаций в единое целое ориентировочно к началу XV в. до н. э., Уилкинсон рассматривает дальнейший рост Центральной цивилизации как процесс без признаков каких-либо спадов, в ходе которого в центральную систему последовательно вливаются другие цивилизации. Неуклонный рост комплексной структуры, отдельные фазы которого знаменуются присоединением к "центру" очередных региональных структур, завершается глобальной фазой Центральной цивилизации - объединением всех мировых систем в одну. Периодизировать развитие Центральной цивилизации проще всего на основании приводимых Уилкинсоном дат и графически представленной схемы [20].

При анализе концепции Центральной цивилизации внимание в первую очередь привлекает основной принцип, положенный в основу деления процесса длинной в 3500 лет на фазы, - преимущественная опора на военно-политические перипетии. Момент соединения Египетской и Месопотамской цивилизаций совпадает с эпохой максимального территориального расширения Египетского государства, слияние Эгейской цивилизации с Центральной - со временем усиления Пер-

сидской державы. Окончание Ближневосточной фазы развития максимально приближено к временам стремительного становления транснациональной империи Александра Македонского, завершение Греко-Римской фазы падает на время исчезновения Западной Римской империи, становления варварских государств Европы и подъема Исламской цивилизации. Естественно смотрится почти точное совпадение момента окончания Средневековой фазы со временем завоевания Нового Света, а финала Западной фазы развития Центральной цивилизации - с полномасштабным проникновением европейцев в страны Дальнего Востока. Асимметрия предлагаемой Уилкинсоном схемы дает повод историкам упрекнуть его в европоцентризме, а не скрываемая автором приверженность к преимущественному анализу феноменов развития государственности подготавливает почву для сентенций по поводу того, что он уделяет мало внимания культурным факторам исторического процесса.

Следует отметить, что в ходе подтверждения правомерности своей схемы Уилкинсон не обходится без подробного анализа численности населения крупнейших городов мира, продолжительности жизни цивилизаций и масштабов торговли. Однако нас будет больше интересовать предложенный им хронограф, точнее - рассмотрение периодизации истории Центральной цивилизации в сравнении с периодизацией, предлагаемой в сходном хронографе К. Чейз-Данна и Т. Холла.

Отличие видоизмененного хронографа, отражающего точку зрения Чейз-Данна и Холла [6, 203], заключается в иной периодизации процесса формирования центральной политической структуры. Рассмотрение связей между различными историческими структурами на 4-х иерархически согласованных уровнях - информационном, торговли товарами роскоши, военно-политическом и уровне торговли товарами потребления - позволяет с большей дискретностью дифференцировать связи между субъектами исторического процесса. Место цивилизаций в хронографе Чейз-Данна и Холла занимают сети военно-политического взаимодействия (PMNs - Political/Military Networks), предтечами слияния которых становятся сети торговли товарами роскоши (PGNs - Prestige Goods Networks), налаживанию которых в свою очередь предшествует установление системы систематических информационных контактов (INs - Informational Networks). Конвертируя понятия "цивилизация" и "торговая ойкумена" Уилкинсона соответственно в понятия PMN и PGN, Чейз-Данн и Холл, не подвергая сомнению базисную идею о слиянии многих раздельных систем в одну, предлагают несколько иную периодизацию процесса становления Центрального PMN.

По их мнению, активное слияние Египетского и Месопотамского PGNs имело место уже во времена империи Аккада (XXIII в. до н. э.), к концу XXI в. до н. э. в эту сеть влились Эгейский, Северо-Африканский и Западно-Азиатский PGNs. Относительно конечного образования Центрального PMN имеются некоторые разночтения - авторы утверждают, что этот факт нельзя датировать ранее] 500 г. до н.э. [6, 204], указывая в то же время, что соединение двух PMNs и включение в Центральный PGN новых территорий Средиземноморья стало явью к 1360 г. до н.э. [5, 112]. Западно-Азиатская фаза развития Центрального PMN, аналогичная Ближневосточной фазе по версии Уилкинсона, завершается ориентировочно на рубеже эр, чему предшествует слияние Эгейской системы с Центральной, датированное VII в. до н. э. Греко-Романская фаза развития Центрального PMN (рубеж эр - середина I тыс. нашей эры) с точки зрения Чейз-Данна и Холла примечательна тем, что ее начало ознаменовано установлением систематических связей между Центральным и Дальневосточным PGNs, а окончание - слиянием Индийского PMN с Центральным. Уилкинсон датирует связанность этих систем не ранее 622 г., утверждая факт слияния Индийской и Центральной цивилизаций не ранее конца X в. Сходным образом датировки Средневековой и Западной фаз для Центрального PMN, указанные Чейз-Данном и Холлом, "опережают" датировки аналогичных фаз Уилкинсона для Центральной цивилизации.

Можно продолжать рассматривать все нюансы периодизации Центральной цивилизации или Центрального PMN, возникающие в ходе диалога этих двух концепций, однако хотелось бы обратить внимание не столько на историческую канву, сколько на сами даты, вокруг которых концентрируется основное внимание исследователей и которые служат основой периодизации многовекового процесса в рамках предложенной схемы. Основными "опорными точками", очевидно, следует считать следующие промежутки времени: XXIII - XXI вв. до н.э., XV - XIV вв. до н.э., VII - VI вв. до н.э., рубеж эр, V - VII и XIV - XVI вв.

2. А.Г. Франк акцентирует внимание на систематической циклической непрерывности, предлагая схему мирового исторического процесса, периодизированного регулярно чередующимися фазами подъема и спада (соответственно - фазы А и Б). Датировка начальной фазы, "отступающая" по шкале времени от достаточно традиционной даты рождения мировой системы - 1500 г. до н.э., достигает отметки 1700 г. до н. э. [9], а затем достигает отметки 3000 г. до н.э. - времени достоверного появления государственной структуры Египта и первых государств Месопотамии [10]. В результате, согласно концепции Франка и Гиллса, почти 5,000 лет истории единой Евразийской системы (с 3000 г. до н.э. по 1600 г.) периодизированы сменяющимися друг друга периодами подъема и спада, общее число которых достигает 21-го (11 фаз А + 10 фаз Б).

Предпринятые попытки проверки степени соответствия реальности датировок А и Б фаз на основании доступных исторических данных натолкнулись на отсутствие достаточного количества сведений для вынесения суждения относительно первых периодов, расположенных в пределах 3-го тыс. до н.э. Начиная ориентировочно с 2000 г. до н.э. аналитическая проверка становится возможной. Результаты исследования, проведенные А. Босуортом с использованием данных о числе и численности населения крупнейших городов, показали строгое соответствие 8 фаз из 16 проанализированных [2, 226]. Результаты исследования Чейз-Дана и Холла, базирующиеся как на данных о численности городского населения, так и на данных территориальных размеров крупнейших империй, показывают весьма невысокую корреляцию с периодизацией Франка и Гиллса, а также невозможность рассмотрения Центральной Восточно-Азиатской систем в качестве Евразийской системы беспрерывно на протяжении столь протяженного периода времени [6, 213-218], [5, 130-131].

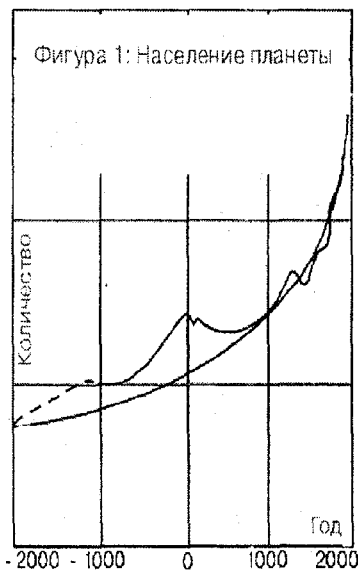
Следует отметить еще один нюанс, свойственный периодизации, предложенной Франком и Гиллсом, заключающийся в длительности указанных фаз. Длительность фаз А колеблется в пределах от 100/150 до 300/400 лет, длительность фаз Б - в пределах от 100/150 до 300/350 лет. Соответственно, длительность "полного" цикла - суммарная длительность следующих друг за другом А и Б фаз - измеряется промежутком времени от 200/250 до 600/700. Это означает, что, несмотря на регулярность, предлагаемая схема периодизации неравномерна, а столь значительный разброс значений длительности фаз позволяет чересчур гибко варьировать датировки. Кроме того, сама структура подобной периодизации, прилагаемая к процессам большой длительности, протекающим

в максимально расширенных территориальных пределах, противоречит динамике демографических и политических процессов, к анализу которой мы и считаем необходимым перейти.

Демографические процессы

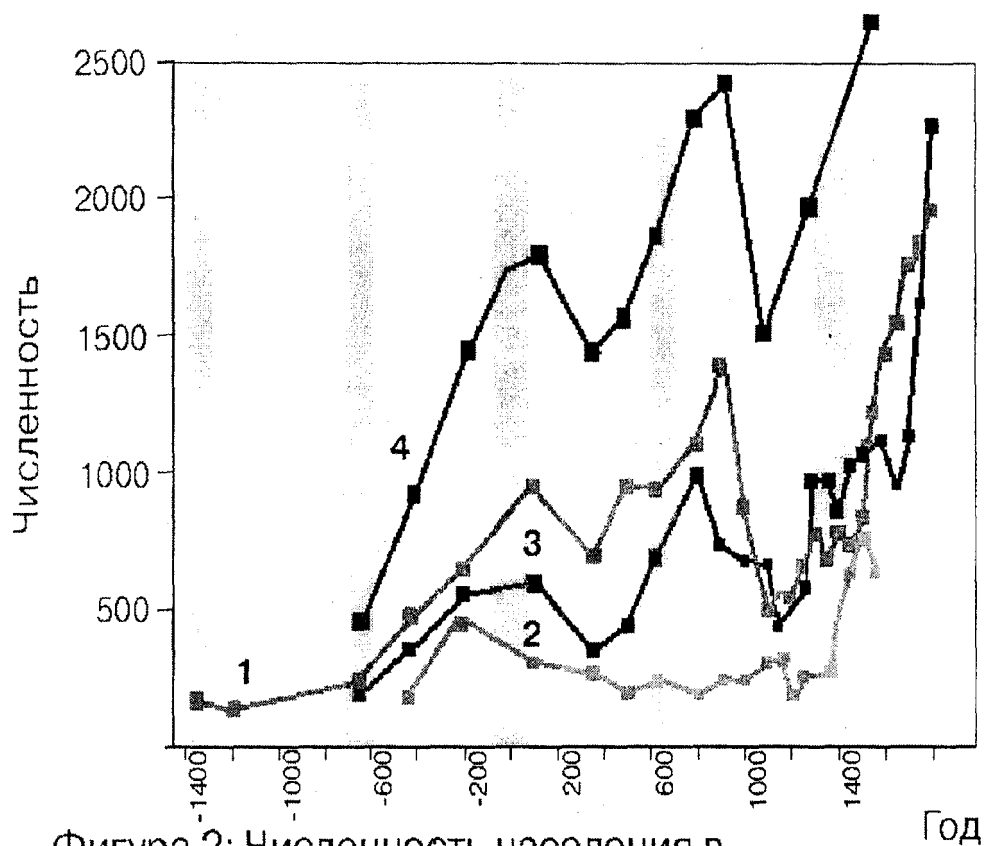
Значение демографических показателей для анализа социальной структуры может считаться едва ли не наиважнейшим. Военная и политическая мощь, размеры занимаемой территории, объемы и интенсивность торговли - подавляющее большинство параметров, используемых для оценки исторического статуса сложной системы, так или иначе связаны с процессами демографическими. Однако, несмотря даже на то, что периоды древнейшей истории могут быть зачастую представлены как демографические циклы, степень достоверности данных о размерах населения падает по мере удаления рассматриваемого периода от наблюдателя. Причины такого положения дел объективны - нехватка конкретной исторической информации вынуждает использовать косвенные сведения и расчеты, основанные на моделировании как биологических, так и социальных процессов многовековой длительности.

Однако, исследование системных моделей невозможно без статистического анализа, оперирующего количественными показателями. При анализе процессов развития древних обществ подобный анализ и наиболее затруднен, и наиболее принципиален. Достаточно отметить, что по-

литическая и социальная стабильность в исторических системах зависит от демографических тенденций в большей степени на начальных этапах формирования цивилизаций и государственных структур [12]. Функция изменения численности населения может также определять интенсивность городского строительства и торговли, скорость освоения территорий и использования природных ресурсов, частоту войн и миграционных волн.

Анализ глобальных демографических тенденций подводит исследователей вплотную к констатации системного поведения человеческой популяции с древнейших времен по настоящее время, что отражается неизменным гиперболическим законом прироста населения планеты. Однако, наряду с системным порядком, демографы склонны отмечать форму демографической кривой не как строго соответствующую математической гиперболе, а как колеблющуюся в ее области. Моделирование процессов прироста населения, в котором оценивается скорее порядок величин, чем точные количественные данные, порождает наиболее достоверную качественную кривую (Фиг. 1) по данным Бирабена [1]. Визуальный анализ, абстрагирующий от вопросов степени соответствия приведенных численных значений реальному положению дел, свидетельствует о выходе демографической функции на уровень промежуточного насыщения ориентировочно к XIII в. до н. э., заметном приращении на рубеже эр и отличительных флуктуациях в XIV в.

Фигура 2: Численность населения в Центральном (1), Индийском (2), Дальневосточном (3) PMNs и результирующая кривая (4)

Общие данные в масштабах планеты, могущие послужить в качестве намеков на существование регулярной в своих проявлениях демографической структуры, никоим образом не отрицают степени необходимости анализа региональных и внутрисистемных тенденций изменений

численности населения. Используя кривые демографических изменений для Центральной, Индийской и Дальневосточной систем [8, фиг. 2а, 3а, 5а], мы предприняли попытку определить вид результирующей функции, отражающей суммарные демографические показатели условной системы, протянувшейся от Средиземноморья до восточного побережья Евразии. Результаты графического построения (Фиг. 2) свидетельствуют как минимум о двух циклах демографического роста и падения с периодом в 650 - 750 лет.

Если проассоциировать тот факт, что первый максимум результирующей кривой приходится на конец I в. с фактом установления на рубеже эр систематических связей между Римской империей, государствами Индостана и Ханьским Китаем, то можно говорить об усложнении мировой системы, повышении степени связанности и интенсивности взаимодействия ее частей. Следствием такого процесса экономического, политического и - впоследствии - социального соединения систем может явиться определенная синхронность их поведения с точки зрения большой системы, составными частями которыми они являются [14, 337].

Политические процессы Политические пертурбации, происходящие в исторических системах, относятся к категории наиболее зримых и наиболее полно документированных. Связанная напрямую с процессами изменения форм и структур институтов власти, военными столкновениями, династическими сменами и кодификацией законодательных актов, политическая активность общества оставляет многочисленные следы и в культурно-историческом, и в историко-географическом пространстве. Самым заметным результатом колебаний военно-политической мощи социальных систем являются размеры контролируемой и осваиваемой ими территории. Именно путем оценки изменения территориальных размеров сложной исторической системы можно делать определенные выводы о периодах усиления и экспансии последней, временах коллапса, циклах политической интеграции и децентрализации.

Предпринятая Р. Таагеперой попытка системно осветить процессы территориальных изменений и отобразить количественно размеры крупнейших военно-политических систем на протяжении 5,000 лет (с XXX в. до н. э. по XX в.) привела к появлению комплекса организованных данных [17], активно используемых исследователями глобальных исторических процессов. Анализ территорий империй на пространстве, включающем территорию Европы, Средиземноморья, Египта и Месопотамии, Передней и Центральной Азии, Индии и Китая показывает систематическую смену тенденций централизации и распыления политической структуры как в региональных масштабах, так и в масштабах континентальных. С введением некоторых необходимых корректировок данные Таагеперы используются и для проверки состоятельности глобального эволюционного подхода к всемирной истории, и для дифференцированного анализа военно-политических взаимодействий отдельных систем.

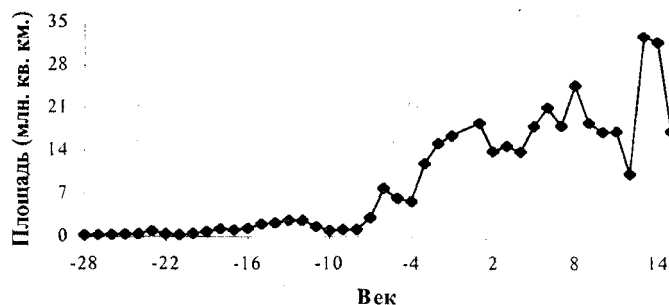
Нас, прежде всего, будут интересовать тенденции изменения такого параметра как суммарная территория империй в максимально возможном масштабе. Выстраиваемая по вышеупомянутым данным кривая изменения площади империй мира (Фиг. 3) позволяет констатировать систематические колебания исследуемого параметра. Черда максимальных значений, создающих периодическую структуру процесса осцилляций военно-политической мощи, выглядит следующим образом:

- XXIV(?) - XXIII вв. до н. э., абсолютный максимум - XXIII в. до н. э.;
- XIV - XII вв. до н. э., абсолютный и аппроксимированный максимум - XIII в. до н.э.;
- VII(?) - VI вв. до н. э., абсолютный максимум - VI в. до н. э.;
- I в. до н. э. - I в., абсолютный максимум - I в., аппроксимированный максимум - рубеж эр;
- VI - VIII вв., абсолютный максимум - VIII в., аппроксимированный максимум - VII в.;
- XIII - XIV вв., абсолютный максимум - XIII в.

Исходя из тех же данных, лишь несколько скорректированных поставленной целью исследования, Чейз-Данн и Холл выстраивают графики изменения суммарной площади крупнейших империй для трех рассматриваемых ими систем военно-политической сети: Центральной, Восточно-Азиатской и Индийской [7, фиг. 1, 3, 4]. Предпринятое нами построение результирующей для трех PMNs кривой (Фиг. 4) не показало принципиального расхождения в своих результатах с кривой, построенной по массиву данных Таагеперы, свидетельствуя о следующих датировках периодических максимумов:

- XIV (XVI ?) - XII вв. до н.э., абсолютный максимум - конец XIII - начало XII в. до н.э.;
- VII - VI вв. до н.э., абсолютный максимум - конец VII - начало VI в. до н.э., аппроксимированный максимум - конец VII в. до н.э.;
- II в. до н.э. - I в., абсолютный максимум - I в., аппроксимированный максимум - конец I в. до н.э.;
- VII - VIII вв., абсолютный максимум - VIII в., аппроксимированный максимум - начало VIII в.;
- XIII - XIV вв., абсолютный максимум - XIII в.

Фигура 3: Изменение суммарной площади империй мира

Результатом проведенного анализа может служить заключение о том, что политическая мощь больших систем, численно отображаемая территориальными показателями, колеблется и эти колебания носят достаточно систематический характер. На основании определенных максимумов территориального расширения можно установить величину периода подобных колебаний ориентировочно в пределах 600 - 700 лет и отметить не менее пяти полных фаз подъема и спада в промежутке времени между XV в. до н.э. и XV в.

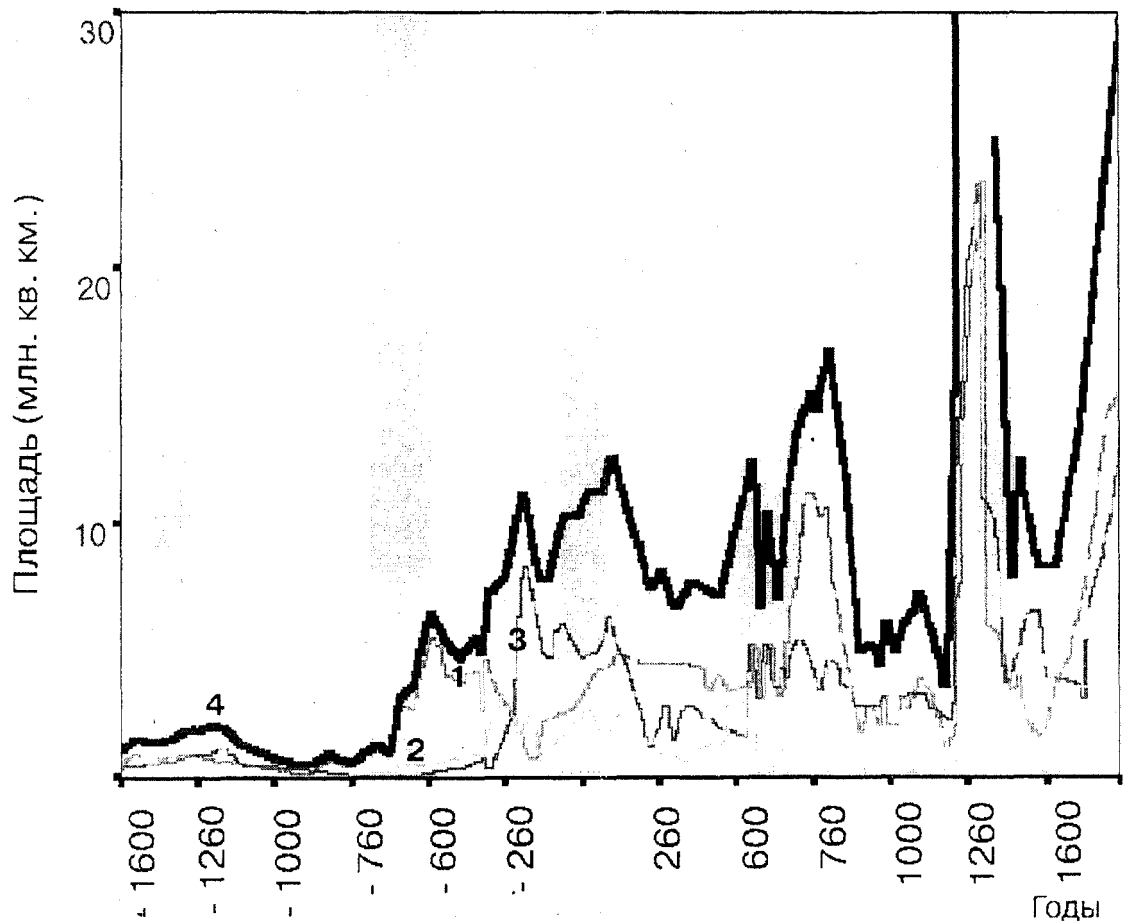
Процессы урбанизации

Поиск оригинальных критериев, согласно которым можно анализировать пульсации, происходящие в больших исторических системах, приводит Чейз-Данна к попытке оценить степень урбанизации обществ не с точки зрения простых показателей изменения суммарной численности населения городских поселений, а путем определения унифицированного коэффициента иерархичности строения региональной и мировой системы наиболее крупных городов. Согласно ряду мыслей, предваряющих и обосновывающих такой подход, показатели изменения общего числа городских жителей или изменения числа жителей наиболее крупного города в том или ином регионе будут заведомо прогрессировать, согласовываясь с общемировыми показателями демографического роста. Стандартизированные же коэффициенты "первенства", именуемые в дальнейшем SPI (Standardized Primacy Indices), являются численным выражением степени крутизны (неравномерности) функции распределения городских поселений в соответствии с данными о численности населения последних, вследствие чего отстройка от общих тенденций значительно более вероятна.

Определение SPIs для пяти самых крупных городов в пределах различных PMNs, принятый в совместной работе Чейз-Данна и Виллард [8, фиг. 5], дает интересный результат с точки зрения наличия регулярной пульсации исследуемого параметра в пределах Центрального PMN. Функция изменения величины SPI для Центрального PMN в период времени с 1360 г. до н.э. по 1500 г., построенная на основании табличных данных [5, 125], позволяет констатировать наличие практически постоянного периода колебаний величины коэффициента длительностью порядка 650 - 700 лет (Фиг. 5). Очевидно и то, что максимальные значения SPI в хронологической последовательности приходятся на XIV, VII вв. до н.э., I, VII вв. и рубеж XIII - XIV веков.

Продолжая разговор о сложных исторических системах с точки зрения темпов, масштабов и структуры роста городов, следует остановиться на результатах анализа мирового процесса урбанизации, базирующегося на сводных данных по количеству и численности населения крупнейших

мировых городов, приведенных в таблицах Т. Чандлера. Проводя исследование по проверке достоверности фаз подъема и спада единой мировой системы, определенных концепцией А. Г. Франка с точки зрения процесса появления и роста городов, А. Босуорт формирует таблицу исходных данных по количеству городов в 7 регионах древнего мира за период 2250 - 650 гг. до н.э. [2, 212]. Анализ количественных показателей по означенным регионам однозначно свидетельствует о росте количества городов в Китае с XIV по VII в. до н.э., максимальном количестве городов Средиземноморья и Передней Азии в XIV в. до н.э. и городов Месопотамии в XXI в. до н.э. Кроме того, определяя суммарное количество городов в пространстве от Египта до Китая, следует отметить волнообразный характер функции изменения и явно выраженные максимумы, приходящиеся на времена XIV и VII вв. до н.э. Кривая мировой городской иерархии более позднего периода (500 г. до н.э. - 2000 г.), выстраиваемая Босуортом на основе анализа соотношений размеров 25 крупнейших мировых городов [2, 221] позволяет констатировать явные максимумы в конце I в. до н.э., а также в VII - VIII вв.

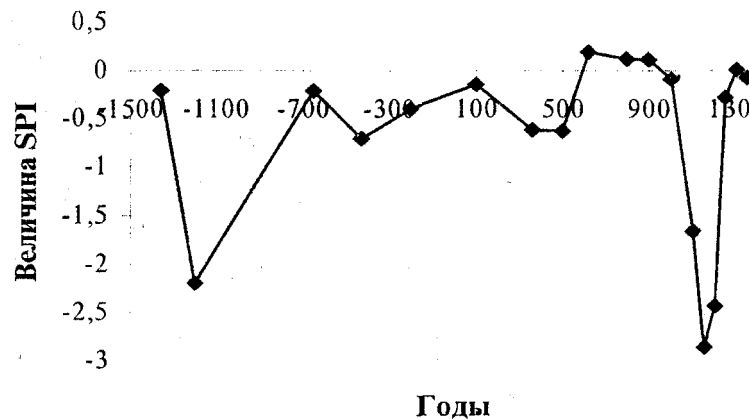
Фигура 4: Площадь крупнейших империй мира в Центральном (1), Индийском (2), Восточно-Азиатском (3) PMNs и результирующая кривая (4)

Анализ информации по населению древних городов, содержащейся в таблицах Чандлера, показывает, что первый город, преодолевший рубеж в 100,000 человек появляется в XIV в. до н.э., первый город, достигший численности населения в 200,000 - в VII в. до н.э., появление первого полумиллионного города датировано VII в. [3, 521, 527]. Кроме того, первенство в многовековом "споре" городов оспаривался на древнейшем этапе исторического развития Египтом и Месопотамией. С конца 4-го до начала 3-го тыс. до н.э. лидером в процессе урбанизации был Египет; с середины 3-го тыс. до н.э. до конца XXI в. до н.э. самые крупные города были расположены на территории Месопотамии. В XVI - XIV вв. до н.э. египетские города вновь возглавили список крупнейших мировых городов с тем, чтобы отступить на второй план, уступая дорогу месопотамским городам к VII в. до н.э. Мы не можем согласиться с утверждением, что "с 3500 по 2500 г. до н.э. мировая городская система была преимущественно шумерская" [15], напротив - вынуждены констатировать периодическую смену лидеров в процессе городского строительства.

Конечно, степень недостаточности данных, относящихся к самым древним периодам всемирной истории высока, население ранних городов-государств может быть вычислено лишь весьма общим способом вплоть до конца 3 тыс. до н.э. [11, 222] и избежать значительных погрешностей, видимо, невозможно. По сравнению с первым вариантом расчета, допускающим, например, появление стотысячного Лагаша в XXI в. до н.э. или полумиллионного Рима на рубеже эр [4, 362 - 363], вторая редакция таблиц Чандлера кажется более вероятной, хотя и вызывает порой нарекания аналитиков.

Фигура 5: Изменение индекса иерархии для пяти крупнейших городов Центрального PMN

Заключение

Вне всякого сомнения, обработка обширного материала и постоянная проверка методов исследования на корректность, а результатов - их достоверность не является самоцелью проводимых исследований. Построение действующих моделей, позволяющих научное прогнозирование с высокой степенью вероятности, является постоянным искомым. В то же время заметна и очевидная трудность, связанная со спецификой анализа столь протяженных во времени процессов исторического развития, базирующаяся, прежде всего, на нюансах, связанных с возможностью фиксации причинных отношений между результатами обработки функций изменения тех или иных параметров исторических систем. Развитие гипотезы одновременных расширений и сокращений исторических систем, происходящих в континентальных масштабах, должно, по мнению К. Чейз-Данна, "определить причинные механизмы, являющиеся причиной подобной синхронности" [7].

Однако» как отмечает П. Кнапп, даже высокие показатели корреляции анализируемых параметров - слабые свидетельства наличия причинных связей. Основную причину подобной слабости он видит в том, что "разные переменные имеют тенденцию двигаться совместно некоторое время даже при отсутствии между ними причинной связи" [13, 94].

По всей видимости, при исследовании глобальных процессов и долгосрочных тенденций развития в масштабах комплексных социальных систем следует учитывать, прежде всего, общие принципы повышения системной сложности. Сложные системы как конгломераты более простых и заведомо разнородных частей, взаимодействующих друг с другом и взаимообусловленных, находятся в постоянном процессе развития и трансформации, приводящем попеременно и к стабилизации на очередном уровне сложности, и к коллапсу.

Наглядность связанности понятий системной сложности, иерархии структур и длительностей циклов развития во всемирной истории чрезвычайно высока. Долговечность цивилизаций, как правило, превышает время жизни составляющих ее политических объектов; государство обычно не подвергается кратчайшим циклам формирования и разрушения [18, 27,40]. Субординация исторических систем по критерию сложности вызывает, видимо, соответственную субординацию ритмов развития по критерию длительности. С одной стороны, включение в сложную систему очередной составной части "подключает" последнюю к системным политическим, культурным, социальным и прочим ритмам. С другой - сложный комплекс относительно простых частей проявляет тенденции к упорядочиванию и самоорганизации, приобретая новые, системные качества, отличные от качеств его составляющих.

Одной из наиболее ярких особенностей процессов повышения сложности общества является сама способность делать переходы в ходе эволюции и факт наличия пороговых состояний, отмечающих прыжки от одного устойчивого уровня к другому [16]. Иллюстрацией подобной смешанной формы системного движения вполне могут быть графически представленные данные палеодемографии, констатирующие чередование периодов плавной эволюции и резких переходов. Тот же вид имеют циклы политической централизации, где последовательность больших прыжков приближает форму качественной кривой к пошаговой функции [17], [5, 118]. Сходным образом выглядят и полученные нами результирующие кривые, отображающие политические и демографические процессы в исторических системах. Подводя черту, можно говорить о том, что перечисленные кривые качественно приближаются к идеализированной функции развития сложной системы, приводимой Тайнтером, - волнообразной кривой с увеличивающейся амплитудой [18, фиг. 20].

Безусловно, формы кривых, получаемых в результате различных исследований, косвенно зависят от временного масштаба и дискретности, присутствующих в организованной базе используемых данных. Основу кривых, тем или иным способом описывающих длительные процессы исторического развития, определяет свойственная процессам в сложных социальных системах гиперболическая функция, демонстрирующая рост в пространстве, производстве или демографическое приращение [19]. В ряде случаев технической задачей системного анализа становится постановка методики отстройки от эволюционных тенденций при определении периодических составляющих. Детальное же рассмотрение отдельных параметров или их групп позволяет зафиксировать осцилляции с периодом, близким к постоянному, не нарушающие формы своей гиперболической образующей.

Гипотетическое постоянство периода колебаний в процессах, отражающих эволюцию сложных исторических систем, может быть расценено и как продолжение идеи о постоянной скорости социальных изменений [14, 321-342], и как реакция на результаты исследования, приведенного выше. Действительно, хронологически сходные опорные точки, которые вполне могут послужить основанием оригинальной периодизации, были получены нами как по результатам статистического анализа отдельных параметров, так и по датировкам фаз, используемых в рассмотренных схемах и моделях. Если проследить их последовательность - XXIII-XXI вв. до н.э., XV-XIII вв. до н.э., VII-VJ вв. до н.э., I в. до н.э. - I в., VI-VIII вв., XIII-XV вв. - то вполне можно выстроить концептуальную схему, в которой времена переходных состояний проявляются во всемирном историческом процессе регулярно на известном отрезке времени существования цивилизации. Постоянный период таких глобальных колебаний можно оценить ориентировочно в 700 лет при длительности самой переходной фазы приблизительно в 100-150 лет. Для более детальной проверки предположений о такой временной структуре требуется обозначение иных параметров оценки

сложных социальных структур, комплексный анализ которых мог бы дать сведения, подтверждающие или опровергающие выдвигаемую нами точку зрения.

Литература

1. Biraben J. N. "Essai sur L'Evolution du Nombre des Hommes," *Population*, No. 1 (1979).
2. Bosworth A. "World Cities and World Economic Cycles," in Stephen K. Sanderson, ed., *Civilization and World Systems: Studying World-historical Change* (Walnut Creek: AltaMira Press, 1995), 206-227.
3. Chandler T. *Four Thousand Years of Urban Growth. An Historical Census* (Lewiston: The Edwin Mellon Press, 1987).
4. Chandler T., Fox G. *3000 Years of Urban Growth* (New York: Academic Press, 1974).
5. Chase-Dunn C., Thomas D. Hall. "Cross-World-System Comparisons. Similarities and Differences," in Stephen K. Sanderson, ed., *Civilization and World Systems: Studying World-historical Change* (Walnut Creek: AltaMira Press, 1995), 109-135.
6. Chase-Dunn C., Thomas D. Hall. *Rise and Demise: Comparing World-Systems* (Boulder: Westview Press, 1997).
7. Chase-Dunn C., Thomas D. Hall, "Rise and Fall: East-West Synchronicity and Indie Exeptionalism Reexamined". Presented at the annual meetings of the International Studies Association, Minneapolis, Minn. March 17-21, 1998.
8. Chase-Dunn C., Willard A. "Systems of Cities and World-Systems: Settlement Size Hierarchies and Cycles of Political Centralization, 2000 BC-1988 AD", A paper presented at the annual meeting of the International Studies Association, Acapulco March 24-27, 1993.
9. Frank A. G. "Bronze Age world system cycles," *Current Anthropology*, Vol. 34, No. 4 (1993).
10. Frank A. G., Barry K. Gills (eds.) *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* (London: Routledge, 1993).
11. Frankfort H. *Kingship and the Gods* (Chicago: Chicago University Press, 1948).
12. Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World* (Berkeley: University of California Press, 1991).
13. Knapp P. "Evolution, Complex Systems and the Dialectic," *Journal of World-System Research*, vol. 5 (1999).
14. Modelski G. "Evolutionary Paradigm for Global Politics," *International Studies Quarterly*, Vol. 40, No.3 (September 1996).
15. Modelski G. "Cities of the Ancient World: An Inventory (-3500 to -1200)", July 10, 1997.
16. Segraves B. "Ecological Generalization and Structural Transformation of Sociocultural Systems," *American Anthropologist*, Vol.76 (1974), 530-552.
17. Taagepera R. "Size and Duration of Empires: Systematics of Size," *Social Science Research*, Vol.7, No.1 (March 1978), 108-127.
18. Tainter J. A. *The Collapse of Complex Societies* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988)
19. Wallerstein I., "The West, Capitalism, and the Modern World-System," *Review*, Vol. XV, No. 4 (Fall 1992), 561-619.
20. Wilkinson D. "Central Civilization," in Stephen K. Sanderson, ed., *Civilization and World Systems: Studying World-historical Change* (Walnut Creek: AltaMira Press, 1995), 46-74.